

Часть третья

Мужелюбица и мужелюбница

Глава 72

Опасные руки

Утром жизнь Кокотова не имела никакого смысла.

«Почему? Почему? Ну почему же?!» — тяжелым клювом бил в висок черный дятел отчаяния.

Автор «Преданных обьятий» лежал на кровати и, страдая, размышлял о том, что клочок серебряной новогодней канители — это, пожалуй, теперь единственная радость, оставленная ему судьбой. От постельного белья глумливо веяло дорогими запахами Натальи Павловны.

А ведь все так славно, так легко начиналось! Окутывая замерзшую даму предусмотренным одеялом, писодей несколько раз рискованно прикоснулся к ее дрожащему телу, одетому во все пионерское, и не почувствовал явных возражений. Даже наоборот. Она лишь воскликнула с деланным негодованием: «Ах, какие у вас все-таки нахальные руки!» Потом Обоярова вынула фляжку, и они быстро ее осушили, пытаясь согреться коньяком. Тщетно: вечер был такой холодный, что из румяных уст Натальи Павловны вился легкий парок, казавшийся в свете луны космически отчетливым и угловатым. Однако, не согрев, коньяк сообщил телу веселую вседозволенность, и Кокотов начал деликатно теснить захмелевшую даму в глубь беседки.

— Нет-нет, пойдемте домой! — запротестовала она. — Я замерзну, заболēju, умру — и все достанется Лапузину!

Забрав с перил фаянсового трубоча и подхватив бывшего вожатого под руку, Обоярова увлекла его к особняку, смугло белевшему в полутьме. По пути она весело сообщила, что звонок

Скuryтина волшебнo преобразил всю Краснопролетарскую прокуратуру. А ведь еще недавно там просто смеялись над ее жалкими поисками справедливости и настойчиво советовали, намекая на могучие связи Лапузина, принять его унижительные условия. То есть остаться ни с чем, за исключением скромной «двушки» на Плющихе, купленной еще дедушкой. А тут вдруг прокурорские дружно возмутились постыдным поведением директора Института прикладной генетики, бросившего верную жену без средств к существованию. Наталья Павловна рассказывала все это живо, в лицах, с юмором, со множеством точных, неожиданных деталей, вызывавших у писателя теплую литературную зависть. Слушая, Андрей Львович осторожно думал о том, что провести оставшуюся жизнь рядом с такой веселой, артистичной и, наверно, очень чувственной женщиной — это и есть настоящее счастье.

— Ай-ай-ай! — покачала головой Обоярова, изображая межрайонного прокурора Гамлета Отелловича. — Разве это мужчина?! Нет, не мужчина! В Армении так никто не делает. Женщина — это мать, и обижать ее нельзя...

Явно огорченный тем, что придется возвращать деньги Лапузину, он несколько раз прошелся по просторному кабинету, грустно поглядывая на большую фотографию затурканного Арарата, потом задумчиво постоял возле сувенирной щепки Ноева ковчега, хранящейся под стеклом, затем вернулся в кресло и по селектору поручил своему заместителю Камаллу Исмаиловичу срочно выяснить, каким же образом все имущество разводящихся супругов оказалось оформленным на бывшую жену Лапузина, его взрослых детей от первого брака и даже тетю, проживающую в Калининграде.

Кабинет Камалла Исмаиловича оказался поменьше, зато был застелен бухарскими коврами ручной работы. В углу, на резном столике, возвышался изящный серебряный кальян, точно змеей обвитый тонким курительным шлангом. Заместитель угощал гостью зеленым чаем из антикварных пиал и засахаренными фруктами, сердечно расспрашивал о жизни, уверял, что у него на родине так не поступают даже с третьей, давно не посещаемой женой. Шариат в этом смысле, объяснял он с врожденной азиатской улыбкой, гораздо гибче и справедливее брачного законодательства России. Когда-нибудь русские это поймут и встанут на верный путь, указанный пророком Мухаммедом. В конце концов

он отвел пострадавшую Наталью Павловну к своему заместителю Доку Ваховичу и поручил разобраться.

Доку Вахович, молодой джигит в костюме от Версаче...

— А как вы догадались, что от Версаче? — игриво спросил Кокотов, поглаживая складки ее короткой юбочки.

— Он забыл срезать с рукава фирменную нашивку. А может, у них так принято, чтобы весь аул знал и гордился! — ответила бывшая пионерка и шлепнула Кокотова по руке.

...На голове у Доку Ваховича была мерлушковая папаха, стоявшая не меньше Версаче.

— А это откуда вы взяли? Он забыл срезать ценник? — поддел обиженный писодей.

— Нет. Нас с Федей одно время крышевали чеченцы, и в горных шапках я разбираюсь. Не сбивайте меня, пожалуйста!

Джигит выслушал задание начальника с таким лицом, какое бывает у человека, если ему в рот попало что-то несвежее, но сразу выплюнуть неприлично. Кабинет у него оказался совсем небольшой, но зато стены были увешаны кинжалами в черных узорных ножнах, круглыми щитами, кремневыми ружьями, чеканкой с кудрявыми сурами и пистолетами времен имама Шамиля, а также фотографиями родовой башни, напоминающей огромную печную трубу с бойницами. Доку Вахович по-русски говорил совсем плохо и потому больше слушал, перебив Наталью Павловну гортанным вопросом лишь однажды:

— Брат ест?

— Что?

— Брата имеешь?

— Нет.

— Жал. У нас брат за сестру плохого мужа чык — и все... — Он кивнул на кинжалы, потом нажал кнопку и позвал: — Коста, зайды...

Наталья Павловна ожидала увидеть еще одного отпрыска разноплеменной Советской империи, рухнувшей двадцать лет назад под тяжестью собственного великодушия. Однако вошедший был круглолиц, курнос, светловолос и произнес, прикрыв дверь, без малейшего акцента:

— Добрый день!

При этом он застенчиво озирался и был похож на ботаника, который, собирая кавказский гербарий, забрел в немирный аул.

— Коста, займысь! — поморщившись, приказал Доку Вахович.

«Коста» покорно кивнул и, тихо отрекомендовавшись Константином Ивановичем, отвел истичу в большую комнату, заставленную множеством столов, за которыми сидели, листая пухлые дела или уставившись в мониторы, сотрудники прокуратуры. Константин Иванович был, вероятно, небольшим, однако начальником: его стол разместился в углу, близ окна, отгороженный канцелярским шкафом. Примерно так же в годы скученного советского быта создавали брачные условия молодоженам. Над столом висела журнальная вырезка — портрет генерала Ермолова. Гроза Кавказа, по-наполеоновски засунув руку за отворот мундира, смотрел, выпучив глаза и топорща усы.

— Это хорошо, что вы на самого Скурятинна вышли! Иначе... Ну, вы меня понимаете! — прошелестел «Коста», указав глазами вверх. — Теперь главное — правильно заявление составить и все остальное...

— Вот почему, мой рыцарь, я не могла приехать к вам раньше, — объяснила Наталья Павловна. — Вы не сердитесь?

— Нет... — уклончиво ответил рыцарь.

Она вдруг остановилась и, укрыв Кокотова одеялом, словно большая летучая мышь крылами, подарила ему протяжный коньячный поцелуй. Автор «Жадной нежности», воодушевившись, осмелился погладить то место, где талия становится бедрами, однако увлекся и вскоре достиг края короткой плиссированной юбочки, едва закрывавшей тылы Натальи Павловны, мягкие и упругие, как взбитые подушки.

— Ах, какие же у вас нахальные руки! — с игривым возмущением повторила Обоярова, прерывисто дыша. — Не торопитесь! Знаете, в чем главная разница между мужчиной и женщиной?

— В чем?

— Мужчина всякий раз старается начать с того места, где остановился в прошлый раз. Большинство браков именно от этого и гибнут...

— А женщина?

— О, женщина хочет, чтобы мужчина каждый раз проходил весь путь — от робкой, почти школьной надежды до святого бесстыдства любви!

Кокотов понял: нужно немедленно сказать в ответ что-нибудь умное.

— Мужчина берет, чтобы дать. Женщина дает, чтобы взять...

— Роскошная мысль! Ваша?

— Прочел, кажется, у Сен-Жон Перса, — скромно соврал писодей.

— А вы хотели бы умереть в минуту любви?

— Я? — удивленно переспросил он, вспомнив страшный сон про «коитус леталис».

— Вы, вы!

— С вами — да! — крикнул Андрей Львович с той дурной гусаристостью, после которой принято об пол бить хрусталь.

— Какой же вы интересный человек, — шепнула она, сняла руки писателя со своих ягодиц и неприступно закуталась в одеяло. — Ну, идите, идите! Посмотрите лучше, какая ночь!

Ночь и вправду была хороша! Через сонный пруд тянулся золотой искрящийся брод. Полная луна отчетливо сияла всеми своими отдаленными рельефами, как новенькая юбилейная медаль. В черном небе таинственно дрожала звездная россыпь.

— А вы знаете, что в этом пруду утопилась любовница Куровского?

— Что вы говорите?!

— Да, вообразите! После того как Кознер расстрелял несчастного штабс-капитана, она в отчаянии бросилась в воду. Но Кознер, впрочем, тоже плохо закончил...

— Неужели?

— Да-да! Он был, конечно, троцкистом, и его сослали в «Ипокренино» после разгрома оппозиции, но он разоружился перед партией, и тогда его забросили по линии Коминтерна во Францию. И вот однажды, возвращаясь пьяным из ресторана на таксомоторе, он для обольщения рассказал юной французской коммунисточке про то, как в Киеве охотился с маузером на голых гимназисток. Шофером оказался бывший денкинский офицер, что неудивительно: в ту пору в Париже каждый второй таксист был из наших дворян. Офицер остановил машину, выволок Кознера на мостовую и прикончил ударом гаечного ключа, после чего записался в Иностраннный легион и скрылся в Африке. Впрочем, уже в перестройку в «Огоньке» писали, будто убил его не эмигрант, а кадровый ликвидатор из НКВД, подчищавший тяжелое троцкистско-зиновьевское наследие...

— Откуда вы все знаете? — удивился Кокотов.

— Мне Аркадий Петрович рассказывал.

— А он откуда?

— Вероятно, из торсионных полей.

— По-моему, Огуревич к вам равнодушен!

— Ко мне, запомните, многие равнодушны, но только вы, Андриюша, — герой моих первых эротических фантазий!

Возле колонны они еще раз поцеловались, и писодей, вновь осмелев, спросил, задыхаясь:

— Почему, почему вы больше не говорите, что у меня нахальные руки?

— Потому что они теперь не нахальные!

— А какие же?

— Опасные!

— Пойдемте ко мне, у меня осталась еще бутылка бордо! — властно позвал, ободрившись, автор «Сердца порока».

— Нет-нет! — Обоярова покачала головой и поморщилась. — Лучше вы — ко мне, я же обещала угостить вас гаражным вином. Минут через пятнадцать, хорошо? Спасибо за одеяло! И наш трубач тоже будет с нами, как тогда. Понимаете? — Она показала ему фаянсовую фигурку, зажатую в кулачке.

— Да, понимаю... — шепнул писатель, охрипнув от надежды.

Вбежав в номер, Андрей Львович покрыл одеяло поцелуями, такими страстными, что на губах остались липкие катышки старой затхлой байки. Потом, чтобы окончательно отделаться от «странного запаха», удивившего Обоярову, он принял душ, выдавив на себя остатки шампуня. Затем, рискуя остаться без эмали, почистил зубы, в особенности незалеченное кариесное дупло. Меняя на всякий случай белье и мельком, словно со стороны, оценивая свои сокровенности, писодей подумал, что «удовольствие» происходит из сложения слов «уд» и «воля». Однако углубляться в щекотливую этимологию было некогда: свежевымытое тело полнилось гулом вожделения.

О, предчувствие обладания! Наверное, нечто подобное ощущает добытчик жемчуга, ныряя и вскрывая верным ножом шершавые, заросшие тиной створки раковины, надеясь в привычной слизи моллюска отыскать огромный, бесценный, переливающийся всеми цветами счастья перл, который навсегда изменит жизнь, сделает ее вечным праздником взаимности!

Натягивая новые носки, автор «Жадной нежности» чертыхнулся, наткнувшись на свои давно не стриженные ногти, желтые, длинные и напоминавшие первую стадию озверения тихого американца, покусанного оборотнем в переулках Манхэттена. Конечно, ночью Наталья Павловна может и не заметить этой ороговевшей неопрятности... А если ему посчастливится остаться в ее постели до утра, до солнца, когда свежие любовники проснувшимися взглядами исподтишка оценивают, в чьи же объятия зашвырнула их вечер катапульта страсти и так ли хорош этот приближенный к телу человек, чтобы допускать его к себе вновь и вновь? Андрей Львович нашел в чемодане ножнички и, действуя ими точно кусачками, с трудом окоротил ногти, потом собрал с коврика колющиеся обкуски и бросил в форточку.

Летя в номер своей мечты, он на ходу придумывал сюжет о том, как писательские ногти подобрала промышляющая в полнолуние ведьма, высыпала в медный котел с кипящими гадостями и превратила писодея черт знает во что, скажем, в гуся с кошачьей головой... Возле заветной двери он перевел дух и вообразил, как бывшая пионерка, завидев на пороге химеру, страшно хлопающую крыльями и жутко мяукающую, падает в обморок, а он, нежный Кокотов, подхватывает ее обмякшее тело и бережно несет в постель. Андрей Львович хотел постучать, когда дверь неожиданно открылась: на пороге стояла хозяйка и улыбалась с застенчивостью решившейся женщины.

— Входите, мой рыцарь!

— Как вы догадались?

— Пятнадцать минут уже прошли. А еще мне показалось, кто-то мяукнул.

— Наверное, кошка... — предположил Кокотов, жадно объемя глазами Наталью Павловну.

Она осталась в том же пионерском облике, но успела снять пилотку и бюстгальтер. Цепкий писательский взор сделал сразу несколько пьянящих открытий. Во-первых, готовясь к свиданию, Обоярова побывала у парикмахера, и волосы искрились новым диковинным оттенком. Во-вторых, освобожденная от стеснения, грудь ее почти не сникла, а соски просвечивали сквозь тонкую блузку, точно вишни, приготовленные к варенью и накрытые марлей от мух. В-третьих, на ее беззащитных голых ногах автор «Беса

наготы» увидел выше колен такие чудные ямочки, от которых все в нем тектонически шевельнулось.

— Ну, что же вы встали?! — воскликнула она, будто не понимая, отчего он остолбенел. — Входите же!

Глава 73

Гаражное вино

Номер у нее был в точности такой же, как у Андрея Львовича. Даже в горке теснился знакомый дулевский сервиз с алыми маками. Это пустычное, на первый взгляд, совпадение наполнило влюбленное сердце мистическим предчувствием долгожданного сретения судеб, которое Творец замыслил, возможно, еще в Предвечности, когда, сидя в каком-нибудь торсионном суши-баре, набрасывал на салфетке контуры будущего Мироздания.

— У вас тут очень мило, — пробормотал писодей, озираясь.

На письменном столе, задвинутом в угол, стояла прислоненная к стене икона Богородицы — не синодальная штамповка и не новوماз какой-нибудь, а, судя по ковчежку и темно-охристому письму, XVII век как минимум. Кокотов одно время хотел написать с Федькой Мреевым детектив о «потрошителях церковей», собирал материал — и в этом немного разбирался. Под образом вместо лампадки сгрудились без ранжира разноцветные и разнокалиберные флаконы, тюбики, баллончики, коробочки, кисточки, щеточки, щипчики и прочие инструменты дамской красоты. На прикроватной тумбочке веером лежали глянцевые журналы с модельными красотками, похожими друг на друга, как породистые поджарые суки из одного помета, а сверху их придавила Библия в тисненном кожаном переплете с множеством закладок. Но более всего писодея заинтриговали приклепленные к стене листы с разноцветными надписями:

Я люблю мужчин!

Я обожаю мужчин!

На свете нет ничего лучше мужчин!

Мне никто не нужен, кроме мужчин!

Не решаясь спросить, как же это понимать, Кокотов похвалил номер, воздал должное красоте лунных сумерек в окне и уточнил зачем-то, видна ли из этого окна дальняя колоколенка.

— Нет, не видна. Так жалко! — вздохнула Обоярова и спросила: — А вы уже были в Духосошествинском монастыре?

— Не был...

— Как же так, Андрюша? Мы обязательно сходим. Там роскошная настоятельница — мать Харитония. Она раньше была директором книжного магазина. А вам, мой друг, никогда не хотелось уйти в монастырь?

— Не-ет... — удивился Андрей Львович.

— А мне хочется. Часто. Садитесь, — пригласила Наталья Павловна и первая устроилась в продавленном кресле.

Когда бывшая пионерка закидывала одну голую ногу на другую, автору «Беса наготы» померещилось невероятное, глубоко взволновавшее его основной инстинкт.

— Ну, мы когда-нибудь выпьем? — мило закапризничала Обоярова.

— Да-да... конечно... сейчас...

— Так в чем же дело? Очнитесь, мой рыцарь!

Очнувшись, он обнаружил на журнальном столике бутылку красного вина с блеклой, точно от руки нарисованной, этикеткой, два тонконогих бокала, вазу фруктов и деревянную дощечку с разными сырами, испускавшими изысканный смрад. На середину хозяйка поставила фаянсового трубача — фигурка при ярком свете оказалась еще интереснее: можно было рассмотреть выбившийся из-под пилотки золотистый чубчик, округлившиеся от духового усилия щечки и нахмуренные бровки горниста.

— Правда, хорошенький?

— Угу, — согласился писодей и спросил: — Это гаражное вино?

На самом деле его мучило совсем другое. Первое: назначение хвалебных плакатиков про мужчин. Второе: невероятное — померещилось или не померещилось? Впрочем, нет: сначала его тревожило второе, а уж потом первое. И он выжидал момент, чтобы проверить свое головокружительное подозрение...

— О да! Это гаражное вино! Откройте же скорей! — Она протянула штопор, не казенный с пластмассовой ручкой, а свой

собственный никелированный агрегат с шестеренками и перламутровыми рычажками.

Откупоривая бутылку, Кокотов отвлекся и упустил свой шанс, горестно спохватившись, когда Обоярова, непринужденно пере-закинув ноги, обняла руками голые колени и смотрела на героя своих эротических фантазий так, точно он тащил не банальную затычку из обычного горлышка, а совершал нечто удивительное, непосильное никакому другому мужчине. Пробка вышла легко, и Андрей Львович, гордясь собой, хотел разлить вино в бокалы, но Наталья Павловна с нежным значением остановила его руку.

— Нет-нет, не спешите! Спешить не надо ни в чем! Пусть вино пока подышит...

Они встретились взглядами: глаза бывшей пионерки горели радостной дерзостью женщины, которая, решившись, теперь с веселой бдительностью естествоиспытателя наблюдает, как поведет себя соискатель — обычно или по-особенному? Кокотов понял, что надо стать особенным, и, не сводя взор с горниста (чтобы не выдать свой нездоровый интерес к невероятному), спросил значительно:

— А почему «гаражное»?

— Потому что его делают такими маленькими партиями, что их можно хранить в гараже. Всего триста—пятьсот бутылок. Это авторское вино, понимаете? Как книга...

— Еще бы! — кивнул писодей.

— А еще гаражное вино очень похоже на настоящую любовь.

— Вино любви?

— Не совсем. Видите ли, Андрюша, если обычная виноградная лоза угнетается два-три года... — Перехватив его непонимающий взгляд, она пояснила: — Лозу угнетают, то есть обрезают, чтобы все силы растения ушли вниз, чтобы корни вросли как можно глубже, добрались до нетронутых соков земли. Так вот, гаражная лоза угнетается целых десять лет! Вообразите, до какой драгоценной, неведомой бездны добираются жадные корни и какими тайными эликсирами наливаются потом грозди! Понимаете?

— О да! — воскликнул автор «Кентавра желаний», блуждая глазами по комнате, чтобы не смотреть на круглые колени с ямочками. — А если корешки доберутся до адских глубин?

— До адских?

— До преисподней! — подтвердил писодей, чувствуя себя особенным.

— Что ж, я бы попробовала такое вино, — тихо ответила она и посмотрела на Кокотова с опаской. — Но ведь в любви происходит то же самое: надо дожидаться, пока самые нежные, тонкие корешки чувств доберутся до самых потаенных и темных закоулков души и тела — и только потом, потом... Слышите?

— Слышу...

— И это еще не все! Из десяти кистей на лозе виноделы оставляют только пять, но каких! И срывают лишь созревшие ягоды. Зеленые — никогда! Теперь вы поняли, почему гаражное вино похоже на любовь?

— Теперь понял...

— Тогда выпьем! Это настоящее «Шато Вандро». Пятьсот евро за бутылку.

— Ско-олько?

— Пятьсот. Не волнуйтесь — мне его подарили!

Мучаясь вопросом, кто же делает бывшей пионерке такие подарки, Андрей Львович с уважением разлил вино: плеснул немного себе, потом до краев — даме и в завершение дополнил свой бокал до приличествующего уровня. На глянцевой рубиновой поверхности всплыли пробочные соринки.

— У меня снова крошки! — со значением заметил он.

— Вы и про крошки помните?

— Еще бы...

— Вы удивительный! Выпьем за нашего трубача!

Вино оказалось великолепным, густым, терпким. Сделав глоток, он подумал сначала, что пьет свежий сок, даже не виноградный, а скорее — гранатовый, но потом ощутил во рту вяжущую изысканность, затем — томное тепло в груди и наконец почувствовал веселое головокружение.

— Ну как?

— Здорово! — отозвался писодей, со стыдом вспоминая, как зазывал Наталью Павловну к себе на бутылку уцененного бордо.

Смущенный Кокотов хотел смахнуть с губ пробочные крошки, но Наталья Павловна вдруг предостерегающе вскрикнула, точно он собрался совершить непоправимую оплошность, такую, из-за какой в сказках налетают черные вихри, рушатся царства, а возлюбленные девы обращаются в лягушек и прочую живность.